

Смотрю я на экран телевизора — и не верю своим глазам: неужели это город Алеппо в Сирии? Разрушены дома, груды камней, женщины и дети ютятся в палатках, крики, плач, раненые люди. Ужасающее зрелище! Сердце забилось чаще: я ведь когда-то ходила по улицам счастливого мирного города. Если отмотать плёнку памяти, как киноленту, на двадцать лет назад, то у меня до сих пор сохранились мирные, добрые картины жизни города Алеппо. Люди размеренно и спокойно гуляли среди улиц, вдоль которых было расположено много магазинов. Жители города Алеппо покупали одежду, обувь, текстильные изделия, изготовленные на своих фабриках. Предприниматели из Украины и России закупали качественный товар — таковым в основном являлся весь товар, произведённый в Сирии.

Нужно было ехать поездом до Одессы, а оттуда лететь самолётом в Алеппо. В тот день, я помню, было холодно и морозно. Моя первая поездка за границу. Знакомая предложила мне поработать в семье няней и заниматься уборкой квартиры. Я согласилась.

— Вас будет двое, — сообщила она мне. — Я еду с вами в Алеппо, а затем к дочери в Дамаск навестить внуков.

В поезде мы ближе познакомились; помню, что много шутили и смеялись. В самолёте время прошло быстро: один час сорок пять минут — и мы в Алеппо. В аэропорту долго ждали, нас никто не встречал, стояли минут тридцать, не знали, куда идти, нервничали, но подошёл высокий бородатый мужчина и отвёл нас к машине. Мы сидели молча и ждали нашего работодателя (сейчас так называют, а тогда мы называли его хозяином). Да, действительно, на какое-то время — хозяин нашей судьбы.

Мужчины выходили из дверей аэропорта, разглядывая каждого; я рассуждала: «Это, наверное, он — чёрные волосы, живот большой, среднего роста, лицо смуглое, борода... Неприятный тип. Идёт к машине. Нет. Повернул в сторону. Слава Богу, не он». Затем появился другой — высокого роста, лысоватый, лицо морщинистое, жёсткий взгляд. Навстречу ему побежал мужчина. И они прошагали мимо нас. Я гадала на них, как на картах: трефовый, бубновый, крестовый или червовый король, — потом надоело, перестала волноваться и не успела увидеть, с какой стороны к машине подошёл мужчина, поздоровался с

водителем; он произнёс: «Ассаляму алейкум». И тут я поняла, что это — наш хозяин. Мужчина был выше среднего роста, светловолосый, белокожий, с голубыми глазами, молодой, лет тридцати пяти. Неожиданно. «Нам повезло», — подумала я. Мы все переглянулись, улыбнулись друг другу и поехали.

Через пятнадцать минут у металлических ворот машина остановилась, и мы зашли во двор двухэтажного дома, где нас ждали дети и их дедушка с бабушкой. Мы не знали сирийского языка, они — русского. Общались жестами. Нам предложили присесть, покушать и выпить чаю. Дети бегали вокруг нас. Старшему мальчику было около десяти лет, светловолосый с голубыми глазами; младшему — около шести лет, русые волосы и карие глаза. После обеда вместе с детьми мы поехали на другую улицу, где они жили с отцом на первом этаже многоэтажного дома в пятикомнатной квартире. Нам с Кариной показали комнату, в которой мы будем жить, а знакомая Нина уехала на автобусе в Дамаск к дочери и внукам. Общаться с детьми и отцом было трудно, не зная языка страны, но как мы обрадовались, когда на следующий день в квартире появилась девушка с ребёнком: она разговаривала и на арабском языке, и на русском. Более того, она из Крыма, вышла замуж за сирийца, родила ребёнка, мальчика Алексея, и живёт в Алеппо уже два с половиной года. Я вспомнила свою дочь. Они ровесницы, и моей внучке, как и её сыну, больше года.

— У меня сложная история замужества, — с небольшим огорчением сообщила Неля. — Я расскажу об этом позже, будем видеться часто, выберем время, и я поведаю вам с подробностями. А сейчас немного объясню, что нужно вам делать, и если возникнут вопросы — звоните по домашнему телефону. Мой муж и ваш хозяин квартиры — двоюродные братья. Сейчас праздник Рамадан, к вам каждый день будут приходить гости, так что не удивляйтесь. Нужно будет готовить мясные блюда, салаты, каждый день они кушают рис, обязательно овощи и фрукты. Но готовить необходимо по их рецептам. Завтра придёт его тёща, мама первой жены, Салма и научит вас приготовлению пищи по-сирийски. Каждый день в шесть часов утра детей нужно одевать, кормить и отправлять в школу. Учите слова, записывайте, чтобы легче было общаться. Вам купят домашние тапочки и пижамы.

— Спасибо, Неля. Пока всё понятно. Мы будем обращаться к тебе за помощью. Приятно осознавать, что здесь, в Алеппо, живёт девушка родом из Крыма, — сказала я, приклеивая

листок бумаги с небольшим списком сирийских слов к дверце кухонного шкафа.

Неля провела для нас небольшую экскурсию по комнатам, показала шкаф, где лежат детские вещи, как пользоваться стиральной машинкой в ванной комнате и кухню с газовой плитой.

На следующий день, утром, показавшаяся в коридоре в меру упитанная женщина быстро забежала на кухню. Это и была Салма, тёща хозяина. Она немного

разговаривала по-русски. Мы подошли к ней. Салма доставала продукты, брала в руки ножик и показывала, что нужно с ними делать. Кулинарное обучение продлилось около недели.

Однажды Салма пригласила нас в гости, в просторную двухкомнатную квартиру, напоила чаем, угостила фруктами и рассказала о дочери:

— В четырнадцать лет дочь вышла замуж и родила двоих детей. Она христианка, муж мусульманин (ваш хозяин). Прожили пять лет, развелись. Сейчас живёт в Италии. По законам страны дети после развода остаются с отцом; если есть девочки, то отец воспитывает до четырнадцати лет, а потом девочка идёт жить к матери.

— Да, для наших женщин это чудеса,— поражаясь услышанному, произнесла я.— А у нас дети остаются с мамой,— рассуждая вслух, продолжала говорить я.— Она воспитывает, работает, убирает по дому, носит продукты, иногда ещё и мужа содержит, так как многие мужчины, употребляющие алкоголь без меры, не в состоянии обеспечить даже себя. Так живет большинство семей. Ответственности за семью у наших мужчин нет. Единичные случаи я в счёт не беру.

Людмила Кулик-Куракова в гостях у Салмы в Алеппо (Сирия)

— Мать, уходя, забирает только свои золотые украшения, — продолжала рассказывать Салма. — У моей дочери с мужем было много килограммов золота, но постепенно продавали, а деньги потратили, осталась самая малость. Есть гостиница у зятя, но бизнес у него сейчас на низком уровне, прибыли почти нет.

Я почувствовала, что Салма добрая и всегда готова нам помочь. Она не работает, но у неё есть друг в Италии, который ей помогает, и она часто путешествует. «Сирийским женщинам и законам страны можно позавидовать», — во время рассказа Салмы думала я.

В квартире хозяина мы часто видели, как старший сын брал телефон в руки и от волнения наматывал круги шагов по комнате — это означало, что он разговаривает с мамой.

Либо днём, либо утром в квартиру приходили женщины, мужнины, смотрели комнаты и уходили. Дверь входная никогда не закрывалась на замок. Однажды я спросила возмущённо у хозяина:

— Почему приходят чужие люди? Смотрят квартиру?

Слов не понял, но по выражению лица моё недовольство понял бы каждый. Он позвонил Неле, и она объяснила нам, что квартиру он хочет продать и купить другую. А заодно сообщила, что продукты будет приносить гарсон (в переводе с французского означает — мальчик на побегушках). Если семья среднего достатка или обеспеченная, то за продуктами члены семьи не должны ходить, так принято в обществе. Первый раз мы увидели гарсона, когда он ставил пакеты на стол в кухне. Симпатичный мужчина: тёмные вьющиеся волосы, белокожее лицо, сверкающие карие глаза, выше среднего роста, плотного телосложения. На третий день он принёс продукты, поставил их на стол и указал мне, чтобы я села на табуретку. Карина стояла рядом. Мужчина принялся делать массаж воротниковой зоны. Карина присела, он сделал и ей массаж. Мы переглянулись.

— Может, хозяин приказал, — глядя на меня, сказала Карина.

— Да, возможно. Не перестаю удивляться, — ответила я.

Хозяин мало бывал дома. Вечером он уходил. Неля говорила, что он в баре всю ночь находится. Утром приходил и замаливал грехи, произнося на коврике молитвы. Днём спал. Ужинал с гостями и опять уходил.

Мы позвонили Неле, она поговорила с хозяином, и выяснилось, что это инициатива гарсона. Думаю, всем понятно, почему он делал массаж. Решил поухаживать. Хозяин его уволил, и пришёл другой мужчина. Очевидно, его предупредили: он

ставил пакеты и быстро уходил. Вообще, мы мало что понимали, какие между ними отношения, что у них на уме, и мы не знали, что говорят о нас. Но наше малейшее недовольство можно было всегда понять по выражению лица и движениям рук, хотя мы старались правильно выполнять обязанности. Нет, к нам отношение было хорошее, никто не обижал. Если люди живут в одной квартире, даже разговаривая на разных языках, по действиям и добрым, или грустным, или весёлым взглядам можно понять, чего они хотят. Порой взгляд скажет искреннее и правдивее, чем слова, ведь глаза являются зеркалом души. Взглядом можно осчастливить человека, можно обидеть, можно душевно ранить. А влюблённые общаются больше взглядами, чем словами. Иногда нужно больше делать и смотреть, чем говорить...

До нашего приезда была няней худенькая сирийка, мы её видели один раз. Очевидно, она на нас разозлилась за то, что мы лишили её приватной работы. Ничего не подозревая, однажды мы выходили из квартиры в маленький дворик, чтобы повесить постиранное бельё, и в этот момент с верхнего этажа на наши головы посыпался мусор: бумага, какие-то тряпки. Мы позвали старшего сына и указали на бумагу, затем на этаж, с которого сыпался мусор, он быстро побежал наверх по лестнице. Наверное, потом рассказал отцу — и больше дождя из мусора не было. Я её понимаю: хозяин разведённый, симпатичный, богатый, а тут две русские явились. Но я приехала с другой целью: мне хотелось заработать, купить своим детям подарки и, конечно, познать и увидеть, как живут люди в других странах.

Пережив времена перестройки в нашей стране, мне хотелось чего-то лучшего. Во время перестройки я жила в городе, но пекла хлеб, чтобы сэкономить деньги. Из запасов были мука и сахар. Ходила в туфлях с дырками в каблуке, потому что подошву не было видно. Прятала еду для завтрака, относя её в другую комнату, чтобы дети не съели на ужин всю. Еда была разделена поровну на троих детей. Дети ходили долгое время в одной одежде, я перестирывала её руками и полоскала вещи в ледяной воде. Работая в магазине дорогих товаров, я завидовала девочке, которая ела печенье, — тогда для меня обычное печенье было лакомством. Каждый день мои мысли сводились к одному: что выгодней купить и приготовить, чтобы дети были сыты и чтобы хватило денег до зарплаты. В то время я думала: «Войны нет. Время даже не послевоенное, а мы живём впроголодь. Что это? Когда же наступит другое — счастливое время?»

Дети выросли, только младшая дочь ещё училась в школе. И вот мне представился случай, и я поехала за границу.

Вместе с Кариной мы готовили еду, стиралось бельё в стиральной машинке с электроникой (у меня дома такой не было), иногда какие-то вещи стирали руками. Вечером купали детей. В шесть часов утра поднимали их с постели, помогали одеться, давали пить тёплое молоко, заворачивали хлебные листы, смазанные оливковым маслом со специями, и отправляли детей в школу.

Хочу сказать, что хлебные листы очень вкусные. Еда не похожа на нашу, но вкус мне нравился: рис, салаты, курица со специями, котлеты необычной формы с острыми концами и орешками внутри, артишоки. Мясо с овощами поджаривалось, добавлялись специи, томаты, затем в духовке тушилось. Первые блюда не готовили. У них не принято. В холодильнике всегда должны быть заготовки продуктов: чищенный чеснок, замороженные котлеты, порезанные апельсины и много других продуктов.

Каждый день дети шли в школу в выстиранной и выглаженной одежде, иногда синие точки от авторучки кое-где были видны. Однажды пришёл хозяин и, разговаривая по телефону, взволнованно ходил по комнате, размахивая руками. Неля пришла к нам и объяснила:

— Бывшая няня пошла в школу и пожаловалась учительнице, сообщив, что мы отправляем детей в школу в грязной одежде.

— Но это неправда, — возразила я.

— Так бывает, — ответила Неля. — Бывшая няня пытается вам навредить, чтобы хозяин вас выгнал из квартиры и вы уехали.

Праздник Рамадан длился месяц — и нам с Кариной приходилось вставать до появления первых лучей солнца, чтобы накормить детей перед школой (для детей запрета в еде в праздничные дни нет). Хозяин не принимал пищу до вечера. Салма помогала нам готовить еду и до захода солнца накрывать на стол, точнее, на ковре в большой комнате. Скатерть из клеёнки стелилась на ковёр, ставили еду в тарелках, и гости, дети, хозяин садились вокруг, поджав под себя ноги. Приглашали и нас, я попробовала поджать под себя ноги, получилось смешно, всех развеселила. Гости приходили каждый день.

В один из праздничных осенних дней мы познакомились с отцом хозяина. Он недавно женился на молодой девушке, и у них родилась дочь. Отец хозяина в возрасте пятидесяти лет выглядел молодожаво: гладкая светлая кожа лица, русые волосы и стройная фигура. Гости беседовали и, разглядывая нас, пригласили

присесть и покушать, но мы отказались: хотели убрать грязную посуду и сделать подготовку продуктов к завтрашнему дню.

Я подошла ближе к гостям, и отец хозяина жестами показал мне, чтобы я сделала ему массаж шеи и плеч. Очевидно, ему рассказали, что я по образованию медсестра. Если я на работе, значит, нужно выполнять задания, тем более что мне несложно это сделать. Он присел на стул, а после массажа отблагодарил меня, протянув мне пятидесятидолларовую купюру. Неожиданно, но приятно, когда работу оценивают.

На следующий вечер пришли Неля с маленьким сыном и светловолосая незнакомая молодая женщина. Они разговаривали на русском языке. Женщина поведала немного о себе:

— Я жила в Югославии. Приехала в Алеппо по туристической путёвке. Познакомилась с будущим мужем и осталась здесь жить. Мой муж — двоюродный брат вашего хозяина. Я живу в этом доме на третьем этаже и приглашаю вас завтра к себе в гости.

— Спасибо, мы обязательно придём,— ответила я.

Вечером после ужина, уложив детей спать, мы с Кариной и Нелей пошли к югославке. Она открыла дверь, и мы увидели просторную пятикомнатную квартиру с дорогой мебелью.

— Проходите сюда,— и она указала на комнату, шагая с правой стороны от нас.— Познакомьтесь — мои дети,— присаживаясь на ковёр, сказала югославка.

На ярком ковре сидело четверо детей — два мальчика и две девочки, а пятый ребёнок, приблизительно годовалого возраста, находился на руках у смуглой худой женщины с немного пугливым взглядом.

— Это моя родственница по линии мужа, приехала из Египта погостить. Кушайте фрукты, а я пойду в другую комнату, там находится сейф, где лежит золото. Я хочу вам его показать. На одного ребёнка — по килограмму золотых украшений, мне их дарил муж после рождения каждого ребёнка.

При озвучивании такой арифметики пытаешься понять, а не сказка ли таится в сказанном: «Неужели за то, что родила ребёнка, муж покупает золотые украшения? А я свои украшения отдала, чтоб его не посадили на государственное обеспечение». Вот такая параллель семейного бытия между странами.

— Можете посмотреть и примерить! — воскликнула югославка, входя в комнату с небольшим мешком из красной ткани, держа его двумя руками.

Она раскрыла мешок и перевернула его. На ковёр посыпались браслеты, кольца, серьги, цепочки, колье. Югославка вытрусилась остатки, посмотрела на дно мешка — он был пуст. Сцена была похожа на то, как человек выбрасывает обычный мусор. Но на «мусор» из золотых украшений приятней смотреть, чем на мусор из тряпок и бумаги, да ещё который летит на твою голову. Разновидности сирийского мусора то заставляют нервничать, то тешат восторженный взгляд. Впервые в жизни я видела столько золотых украшений у одной женщины. Примеряя кольца и браслеты, мы рассматривали серьги с драгоценными камнями. А после выпили чаю, поблагодарили хозяйку квартиры и пошли домой.

Прогуливаясь по городу с Салмой, мы видели много золотых украшений, которые красовались в витринах магазинов на каждом шагу, как сладости в праздник Рамадан. Салма нам объясняла, что самые вкусные сладости и в таком большом количестве можно попробовать только в праздничные дни Рамадана. «Значит, нам повезло!» — подумала я. Поэтому очень хотелось отведать знаменитых восточных сладостей, и, купив несколько разновидностей, я ела с удовольствием, шагая по улице. Из окна машины, застрявшей в пробке, выглянул мужчина и выкрикнул на русском языке:

— Что, вкусно?

Его голова торчала из окна, и он ждал ответа, улыбаясь.

— Да, очень вкусно, — надкусывая пирожное, ответила я.

И это было правдой. Сочетание орешков, оливкового масла и специй придавало необыкновенность вкусу, ранее мне неизвестному.

Однажды около полуночи в квартиру ворвалась молодая женщина в чёрной блестящей куртке, на ней были узкие брюки и чёрные лаковые туфли на высокой платформе. Я успела рассмотреть её, выбежав из комнаты в «хитоне», испугавшись ночного гостя. Женщина с длинными чёрными волосами и ярким макияжем смотрела на меня, держа в руках торт, коробку с восточными сладостями и большую куклу в коробке с прозрачной крышкой. Затем по её жестам я поняла, что она просит разбудить детей.

За два дня до её приезда в квартиру привезли смуглую маленькую девочку с чёрными глазами и тёмными волосами, лет пяти, и сказали, что за ней тоже нужно ухаживать. Мы, конечно, были немного возмущены, о ней речь не шла, но куда

теперь денемся, тем более что паспорта наши отдали хозяину. У девочки Сары был день рождения. Ко мне подошла Карина, и мы возмутились столь поздним визитом, но решительно настроенная женщина, бросив на нас взгляд чёрной колдуньи, вошла в спальню и разбудила детей. Девочка Сара обрадовалась, увидев женщину и подарок, и мы поняли, что она её мама и вторая жена хозяина. Взбудораженные дети выбежали из комнаты, о чём-то поговорили с женщиной, рассматривая подарки, посидели минут пять и ушли спать. Через некоторое время прибежала Салма, после неё ещё одна женщина. У себя в комнате мы слышали их крики, они ругались до трёх часов ночи, потом голоса стихли, хлопнула дверь, и вторая жена хозяина осталась одна в свободной комнате, ожидая бывшего мужа. Она ходила, как будто вальсировала, по комнате, разговаривая по телефону. Я слышала её твёрдые шаги и звуки голоса и не могла уснуть. Затем она прошагала в свободную комнату, и в квартире образовалась тишина.

Ранее Неля нам объясняла, что вторая жена хозяина после развода живёт в Дубае и работает танцовщицей. Понятно, откуда она привезла коробку со сладостями, а на ней остался ценник. Я подумала: «Если мне не спится, то можно попробовать сладости, которые нам предлагала мама девочки Сары, всё-таки сто пятьдесят долларов за килограмм. Где я такие попробую? Другого случая может не быть».

Направившись на кухню, я увидела их на столе и решила попробовать по одной сладости каждой разновидности. Да, действительно, изысканный вкус, маленькие пирожные тают во рту ароматными специями, и насыщение приходит после третьего маленького пирожного. Но какой соблазнительно красивый торт, рискну, попробую кусочек. И этот кусочек оказался лишним в моём желудке, меня затошнило. «Много и сразу нельзя есть. Теперь восточные сладости я надолго запомню», — немного огорчившись, подумала я.

Под утро пришёл хозяин, я открыла ему дверь. Очевидно, он забыл ключи. После ухода женщин я закрыла двери на замок. Хозяин прошёл в комнату, включил телевизор и смотрел индийское кино. Я присела на диван, чтобы тошнота прошла, посмотрела минут десять кино и вернулась в нашу комнату с Кариной, где мы спали на большой белой деревянной кровати. Там же стоял белый большой шкаф с двойными дверями, а в нём находились вещи хозяина — пятьдесят рубашек и около

двадцати пяти брюк, а также галстуки и пиджаки. А в маленьких шкафчиках — носки. Иногда утром он заходил, чтобы взять одежду. Когда он просил, рубашки и брюки мы гладили.

Назавтра девочка Сара играла с куклой, которая пела одну и ту же песню, и так она звучала несколько дней, пока не сломалась, а у меня в голове громкие повторяющиеся звуки той песенки задержались надолго. Что поделаешь? Дети. Они познают мир. Им всё интересно. И то, что не надоедает им, надоедает нам, возрастная разница часто является причиной недопонимания между поколениями.

Дни проходили в движении и интригующе. Однажды раздался звонок в двери, мы подбежали с Кариной, открыли дверь и увидели двух девушек: они посмотрели на Карину, рассмеялись и убежали. Мы ничего не поняли, что это был за просмотр. У Карины были огненно-рыжие вьющиеся волосы. По нашим догадкам, молодые девушки приходили посмотреть на Карину. Слухами земля полнится. Вот такой весёлый сериал.

Приближался праздник Новый год. Алеппо — религиозный мусульманский город, но в нём проживают и люди христианской веры, для которых есть церковь, куда они могут зайти помолиться. Первая жена хозяина была христианкой, поэтому Новый год всегда праздновался, и хозяин поставил ёлку, а дети её нарядили. Неожиданно хозяин нам сообщил, что тридцать первого декабря мы поедем в гости к его брату Лябибу и его жене Неле. По этому поводу Карина решила пойти в парикмахерскую и сделать причёску. А я осталась дома и намотала на бигуди свои белокурые волосы, через час раскрутила их, заколола вверх невидимками и шпильками, и получилась причёска, затрудняющая возможность определить возраст дамы.

Мы не переставали удивляться: в этом городе в парикмахерских салонах, аптеках и магазинах работали в основном мужчины, а женщины находились дома с детьми. Даже мальчишки торговали на улицах, размахивая женским бельём. Иногда мы выходили в город вечером в сопровождении Салмы. Днём магазины были закрыты, а приблизительно после семи часов и до двенадцати ночи, а то и позже, женщины с детьми ходят по магазинам и покупают одежду и другие необходимые изделия. Люди ведут себя спокойно и неторопливо. Только с транспортными средствами непонятно: машины останавливаются и гудят, не переставая, а продвигаясь, они разъезжаются в разные стороны. Говорят, что дорожных правил у них нет.

Множественные огни вечернего города отвлекают от гула машин. А раннее утро наполнено детскими голосами. Дети идут в школу. Продавцы фруктов и овощей готовы принять первых покупателей. Город живёт счастливой жизнью, люди работают, сохраняя традиции своего народа, отмечая праздники, совершая моления в мечетях, радуясь гостям и принимая другие религии толерантно и уважительно. В Алеппо, в отличие от Дамаска, женщины ходят в чадре, но христианкам разрешается ходить с непокрытой головой. Выходя на улицу, Салма завязывала на голову платок, а дома находилась без него.

Наступило тридцать первое декабря 1999 года. Нарядные и с причёсками, вместе с хозяином мы поехали на машине в гости к Неле и Лябибу, чтобы встретить Новый год. Неля познакомила нас с мужем — мужчиной средних лет, высоким, приятной внешности. Мужчины остались в зале, а мы с Кариной проследовали за Нелей на кухню, чтобы помочь сделать салаты. А пока шла подготовка к застолью, Неля поведала нам историю своего замужества.

— Два года назад я приехала с девчонками в Алеппо. Нам обещали работу. Привезли нас в гостиницу, угостили обедом и поселили в номер. Вечером мы садились за столы в ресторане, разговаривали с клиентами, они покупали спиртное, нам платили процент, питание — бесплатное. Вначале отношения с клиентами складывались благополучно. Потом одна из девчонок грубо себя повела с клиентом, не захотела с ним куда-то идти. Об этом мы узнали позже. Однажды в комнату, где мы жили, ворвались молодые мужчины с полицейским, потребовали паспорта, забрали их. Мы успели накинуть только куртки и поехали вместе с ними, не предполагая, куда нас везут. Мы оказались в городской женской тюрьме, находившейся прямо в центре города Алеппо.

Да, такое нерадостное заведение, к сожалению, у них тоже есть. Я спросила у Нели:

— Было страшно? Чужая страна! Тюрьма!

— Нет. Мы не успели испугаться в суматохе. А в женской тюрьме — как дома. В большой комнате-камере на полу лежит цветной ковёр. У стены стоит газовая плита для приготовления пищи, двухэтажные кровати с постельным бельём, и даже бегают дети. Одна молодая особа была к нам очень ласкова. Через сутки нас вывели на улицу, где в машине ожидал мужчина, которому я симпатизировала, он нас выкупил и, вернув паспорта, проинформировал: «После пребывания в тюрьме вам нужно

возвращаться домой через Турцию. Я доведу вас до границы. Дальше сами доберётесь. Я буду ждать тебя, Неля». Положив в карман номер телефона мужчины (будущего мужа), я обнаружила двести долларов, — продолжала свой рассказ Неля. — Деньги оказались только у меня, я забыла их положить в кошелёк — иногда и забывчивость бывает полезной в жизни. Нужно было срочно решать, что делать дальше, чтобы добраться домой и опять не угодить в тюрьму. Другая девушка нашла у себя в кармане куртки визитку богатого бизнесмена, живущего в Турции. Содержимое карманов в некоторых случаях спасает. И мы были спасены. Она позвонила (слава Богу, телефон не забрали) — и бизнесмен прислал за нами машину. Переночевали в Турции, в гостинице. Бизнесмен купил нам билеты на пароход, который на следующий день доставил нас в порт города Ялты. Девушки разъехались по городам, а я поменяла свою девичью фамилию на фамилию бабушки, получила паспорт, купила билет на самолёт, надела платочек на голову и поехала за счастьем. В аэропорту города Алеппо на пункте паспортного контроля я подала документ. На меня пристально посмотрел работник, потом в компьютер. В эти секунды в голове промелькнули все картинки пребывания в Алеппо, но внешне я держалась спокойно. Небольшая тревога была: вдруг что-то заподозрят? И вот долгожданные минуты — работник на паспортном контроле вернул мне паспорт.

— Ты так рисковала. Если бы что-то заподозрили, могли опять посадить в тюрьму, — восторгаясь её рассказом, сказала я.

— Да, возможно. Слава Богу — приезд увенчался успехом. Мой будущий муж Лябиб ждал меня в аэропорту, я ему сообщила по телефону номер рейса. Мы поженились, через год у нас родился мальчик Алексей. Я выучила сирийский язык и сейчас счастлива.

— Трудно даётся сирийский язык? — поинтересовалась я.

— Нет, не трудно. Есть слова, одинаковые по звучанию. Например, когда у меня заболел зуб, то я повторяла по-русски: «У меня болит зуб. Очень сильно болит зуб...» А Лябиб смотрел на меня с вытаращенными глазами и возражал: «У тебя не может болеть зуб, у тебя его нет!» Выяснилось, что произношение одинаковое, а значение на других языках — разное.

(Так одинаковые слова бродят по свету с разными значениями. Думаю, вы догадаетесь, что означало слово «зуб».)

— Кажется, мужчины нас заждались. Отнесу салаты на стол, — сказала Карина. — И давайте сделаем на память хотя

бы пару кадров на фотоаппарате, а завтра распечатаем фотографии, — держа тарелки в руках, продолжала говорить Карина. — Кто знает, как сложится дальнейшая судьба, а рассматривая мелкие детали на фотографиях, всегда можно вспомнить добрые моменты и интересные события в жизни.

Мы сели за стол: я, Карина, хозяин, Неля. Лябиб стоя разлил по бокалам шампанское. Поздравив друг друга с Новым годом под звон бокалов, мы немного побеседовали и покушали, затем Неля включила весёлые русские песни и позвала танцевать. Я попросила найти в записях мою любимую песню детства «Чёрный кот», и она её отыскала. Эта задорная песня любого человека заставит танцевать, не ограничивая себя в движениях. Натанцевавшись, я присела на диван и подумала: «А что дома сейчас происходит? Всё ли в порядке? Нужно позвонить, узнать». Я подошла к хозяину и попросила у него телефон. Старшая дочь по телефону сообщила мне, что младшая ушла из дома и её не могут найти, она поругалась с отцом, возможно, он её ударил. Алёна заявила, что домой не придёт.

— Мне необходимо срочно уехать домой, — обращаясь к Неле, с тревогой в голосе сказала я, объяснив сложившуюся ситуацию. — Переведи мои слова, пожалуйста, хозяину.

— Да, сейчас объясню ему, — и Неля подошла к хозяину.

— Что он ответил? — с нетерпением спросила я.

— Хозяин сказал, что ребёнок пропал — это очень серьёзно. Купит билет — и езжайте.

Через сутки хозяин отдал мне паспорт и купленный билет, а также выплатил ранее обговоренную сумму денег за работу домохозяйки и няни. На следующий день выплатил Карине. Он не хотел ей выплачивать. Что-то, по его наблюдениям, она сделала не так. С виду не хрупкая и уверенная в себе молодая девушка, иногда дерзкая, даже прослезилась и испугалась, что он ей не заплатит. Но ситуация разрешилась благополучно. Карина пока не собиралась уезжать. Это её личное решение. Будет мыть полы и убирать. Об этом я не думала.

Кстати, я забыла рассказать, как удивительно и необычно моют полы в Алеппо. Швабру с двойной резиной я видела впервые. На пол из керамической плитки наливают воду, в которую добавлено моющее вещество, и шваброй с плотными резиновыми насадками прижимают воду с пеной к полу, а после прижатия остаётся сухой пол. Таким образом воду движут со всех комнат по направлению к кухне, где находится

отверстие в полу для воды. Мыть очень удобно, и не нужно руки постоянно окунать в холодную воду, как мы это делали дома, да и на работе все женщины-уборщицы моют полы, обмакивая тряпку в холодную воду. Потом руки становятся красными от холода, мёрзнут — и женщины болеют. Вот решение такой простой проблемы, необходимое для здоровья женщин, рождающих здоровое поколение. А подъезды домов и тротуары моют с мылом, поливая водой из шланга, и даже ковровые дорожки стелют на тротуарах. Я мечтала: «Может, и в моём городе когда-нибудь так будет?»

А сейчас нужно собрать вещи. Завтра я еду домой.

Неля пришла к нам вечером. Мы обговорили мой отъезд.

— Если хотите купить подарки, то пойдёмте в магазины, я вам помогу.

— Конечно, хотим, — с радостью в голосе ответила я.

— Сейчас оденемся и пойдём, — быстро произнесла Карина.

Мы шли по улице, разглядывая витрины магазинов, но посещали те, в которые посчитала нужным зайти Неля. А товаров в магазинах невероятное количество: изделия из хлопка, шёлка, кожи. Яркая расцветка изделий пестрила в глазах, свет и пол в магазинах сверкали блеском.

— Куда мы идём? В подвал? — встревоженно спросила я у Нели.

— Там хороший магазин, — ответила она.

И действительно, спустившись по лестнице в подвальное помещение, я увидела шикарный магазин. «Вот это да! У нас такого нет. Чтобы в подвалах были магазины? Хорошо придумали. В моём городе в подвальных помещениях многоэтажных домов хранится только страх и ужас, от которого люди не хотят избавляться и который тянет их в прошлое. Дай Бог, и у нас когда-нибудь подвалы засверкают», — размышляла я, завидуя даже подвалам этой страны.

Вот я увидела красивый велюровый костюмчик, он подойдёт моей внучке. Себе я купила платье. В другом магазине мы выбрали яркие полотенца из хлопка. Карина приобрела для себя вечернее платье, а Неля купила свитер для мамы и попросила, чтобы я передала ей в Крым. Мне показалось, что мы пробежали половину города.

— Если вы устали, то можно зайти в гости к маме Лябиба. Она недалеко от центра живёт, — предложила Неля, шагая впереди нас.

— А не поздно для ночного визита? Уже около часа ночи,— с небольшим интересом спросила я.

— Нет, не поздно. Здесь привыкли принимать гостей ночью. Это нормальная жизнь,— объяснила Неля.

В высотном здании мы поднялись на пятый этаж и, выходя из лифта, увидели просторный коридор и слева дверь в квартиру.

— Проходите сюда,— указывая рукой в сторону двери, громко сказала Неля и, обхватив ручку, толкнула дверь.

В комнате с занавешенными светлыми шторами из плотной ткани на тёмно-зелёном диване сидела полная женщина. Увидев неожиданных гостей, она улыбнулась. Неля поздоровалась, представила нас и рассказала ей о наших покупках, демонстрируя некоторые из них. Через некоторое время девушка, её дочь, принесла горячее блюдо из духовки. Я стала его рассматривать: мелкие макароны, мясной фарш, сверху запечённый сыр. Выглядит аппетитно. Женщина порезала его на квадратные куски и подала каждому на тарелке. Мы покушали. Затем принесли чай в прозрачных стаканчиках и сладости. Во время чаепития к нам присоединился смуглый парень, который всё время сидел в кресле в тёмном углу и смотрел телевизор. Поблагодарив хозяйку квартиры, мы в спешке собирались, и я никак не могла найти свою зелёную кожаную шапку, сшитую в тон под куртку. Высокий смуглый парень чему-то улыбался, а я так и ушла без неё. Неля пообещала её найти и передать Карине.

Около трёх часов ночи мы вернулись. А с утра пораньше пришла бывшая домработница и с большим удовольствием подметала комнаты, отодвигала мебель, выбрасывая ненужные предметы, показывая нам своё превосходство, говоря старательными действиями: «Убирайтесь поскорее».

Подъехало такси. Я взяла чемодан и попрощалась с хозяином, а Карина, Неля и Лябиб поехали меня провожать в аэропорт. Мне было немного грустно и тревожно. До регистрации на рейс оставалось немного времени, и в небольшом зале аэропорта мы присели на кресла, чтобы поговорить.

— Карина, а ты что решила? Здесь останешься, в Алеппо? — поинтересовалась я.

— Я поеду в Дамаск, к родственнику хозяина, там есть для меня работа.

— Когда в Крым прилетишь, сообщи,— сказала я.— Может, моя шапка найдётся. У нас сейчас морозы.

— Хорошо. Приеду — позвоню,— ответила Карина.

Дождавшись в аэропорту моего выхода к паспортному контролю, Карина, Неля и Лябиб ушли.

В самолёте все мои мысли были о младшей дочери: «Только бы её найти. Я постараюсь Алёну уговорить вернуться домой. Как такое случилось? Отец совершенно не может с ней ладить, грубостью хорошего воспитания не получится, и ребёнок напуган. Представилась возможность поехать за границу, заработать денег, чтобы детям и себе купить красивые вещи, а то в одном и том же ходим. Он сам не может заработать и мне всё время палки в колёса вставляет. Я очень расстроена и морально подавлена...»

Стюардесса подала холодный сэндвич (как говорят украинцы: «Хай йому грець»), после чего меня затошнило, и при выходе, сойдя с трапа, я отошла в сторону. Простояв пять минут в надежде, что самочувствие улучшится, вдруг за спиной я услышала сильный удар чего-то мощного о землю, припорошённую снегом. Обернувшись назад, я была поражена увиденным: от турбины самолёта свалилась круглая металлическая крышка в несколько сотен килограммов. Как оказалось, заметила это только я, все пассажиры бежали в автобус. Счастливые минуты. И главное, никто из работников никак не отреагировал. Может, это обычное явление, я же нечасто летаю на самолётах. Но мне повезло, что я вовремя ушла оттуда.

В полуотравленном состоянии я забрала чемодан. На таможенном контроле молодая женщина увидела вещи с этикетками, помучила меня расспросами, разбросала вещи, а я стояла и не знала, что мне делать. Очевидно, она хотела денег. Рейс был чартерный. Голова моя кружилась, как старое веретено. Потом стоящий рядом с ней работник, молодой парень, возразил её требованиям, и я, забрав вещи и чемодан, вышла на улицу, где стояли машины такси, чтобы доехать до железнодорожного вокзала Одессы и поездом, а затем автобусом вернуться домой.

Воспоминания о городе Алеппо всегда со мной: я помню детские лица, суетливую Салму, добрые голубые глаза хозяина, фигуры и одежду его жён, квартиру, в которой мы жили, полы с цветной керамической крошкой, золотые украшения югославки, витрины магазинов, изобилие сладостей, того мальчишку-продавца, размахивающего женским бельём, новогоднюю ёлку, улыбающегося мужчину из машины, спрашивающего: «Вкусно?» Я слышу тот несмолкаемый гул машин — всё это движение жизни города Алеппо того времени. А сейчас?.. Где эти люди? Живы ли?

В один день можно разрушить здания, забрать жизни невинных детей, молодых девушек, парней, женщин, мужчин. Жизнь останавливается, замирает... Это ужасно... Поверьте мне, я со слезами на глазах дописываю эти строки. Сама не ожидала, что буду плакать... И не хочу видеть то, что показывает телевидение. Пусть мои воспоминания оживут и в город Алеппо вернутся счастье и прежняя жизнь. Я искренне желаю мира для города, и, как говорится в Библии, «проси — и тебе воздастся». Да будет так.

В посёлке Мисхоре есть великолепный парк, где вместе со Светланой, моей подругой и соратником по перу, прогуливаемся, когда я приезжаю к ней в гости. Останавливаясь у алеппской сосны, мы любуемся ею: раскидистая крона и наклонённый ствол играют роль своеобразного рупора, а воздух, пропитанный смолистыми веществами, усиливает в десятки раз звук сказанных слов. Слова можно услышать за сто и более метров. При произношении названия сосны я невольно вспоминаю поездку в Сирию и события того времени.

Каким ты будешь — город Алеппо? Я верю: ты станешь прекрасным и сильным, как твоя засухоустойчивая и солёно-выносливая алеппская сосна, которая декорирует пляжи южного берега полуострова, защищая собой экзотические растения.

16 февраля 2018